

Интервью по вашей просьбе

КАК ПОПАСТЬ В БОЛЬШОЙ

Увы, так часто, проходя мимо этого здания в центре Москвы, окидывая взглядом эти величественные колонны, высматривая на фронтоне квадригу бога Аполлона — покровителя искусства, мы, горестно вздохнув, говорим себе: это не для нас.

Так уж повелось: отечественная гордость — Государственный академический Большой театр стал недоступен москвичам, простому народу, ибо слишком много, особенно в прошлом, чиновных персон, именитых гостей столицы, представителей корректного, с прекрасными манерами дипкорпуса и прочая, и прочая... ежевечерне заполняют прекрасный зал, партер, ложи бенеуара, бельэтажа и первых ярусов, оставляя обычной публике «кусочек люстры и угол сцены», обозреваемых с галерки.

Вот так и возник этот сакраментальный вопрос: «Как попасть в БОЛЬШОЙ?», — который я и задаю заведующему билетными кассами театра Борису Павловичу ИЗМАЙЛОВУ.

Борис Павлович недавно возглавил это хлопотливое ведомство, и я вижу, сидя в его офисе, как эта «крепость» берется буквально на абордаж всеми доступными средствами: симфония из телефонных звонков, окошечко, что над столом заведующего, словно в кинохронике, выдает «кадры» просителей: мелькают лица, и то и дело слышится прямо-таки мольба приехавших на один день откуда-то с окраин государства, или несколько суховатое требование дипкурьеров, посланных за театральными билетами:

— Посольство Габона...

— Английская фирма...

И вдруг — семья дворян Голицыных! «Музыкальная семья», — добавляет просительница...

А тут артисты, исполнители главных ролей.

Измайлов:

— В афише ваше имя есть?

Артист:

— Есть, я — исполнитель главной роли.

Измайлов:

— Пожалуйста, пройдите в кассу...

Невольно вспомнился знаменитый персонаж Бомарше из «Свадьбы Фигаро»...

— Вот видите, — улыбается Борис Павлович, — как велик спрос на наши спектакли, несмотря на постоянную критику.

Измайлов шутит, но в глазах острый огонек. Намек на прессу. Действительно, много ли мы пишем доброго о творчестве этого театра? Настоящей, объективной критики у нас нет. Порой идет «заказное» захваливание, напоминающее панегирик. А уж если критика — то под

корень, злая, убийственная. Нет понимания, взвешенности, нет профессионализма. Артисты не знают, как они пели в том или ином спектакле, как танцевали?

Может быть, поэтому и был такой нравственный срыв во время нынешних гастролей театра в США, когда все газеты (а там о культуре пишут и экономические издания) разбирали «по косточкам» удаchi и промахи постановок Большого, актерские работы, чего, к сожалению, у нас и не водится. О драме пишут, а о Большом — то ли табу преждего бояться, то ли робость критиков одолевает.

А жалко, лет этак через сто читатели, перелистывая газеты нашего времени, не найдут на страницах этих изданий вразумительного слова о Большом. А был ли такой театр вообще? — будут недоумевать искусствоведы XXI века.

Но вернемся к главной теме нашего разговора.

— Борис Павлович, есть ли какой-

нибудь просвет в проблеме «доставания» билетов?

— Я удивлен этим вопросом. Трижды в месяц, по субботам, мы продаем в открытой продаже по 700 билетов на все спектакли очередной декады. Касса торгует с 12 до 18 часов. Но очередь собирается еще задолго до открытия.

Однако я должен огорчить ваших читателей: получить билеты в этой очереди непросто. В первой шеренге идут те, кому закон определил льготы. Они забирают значительную долю лучших билетов. Затем идут

я вижу на каждом спектакле людей в инвалидных колясках.

Кстати, мне тоже довелось видеть на опере «Жизнь за царя» несколько таких семей. Счастливые люди рассказывали, что регулярно получают от Общества милосердия билеты в Большой.

— Хуже, — продолжает рассказ Измайлов, — обстоят дела с ветеранами и многодетными. Из спектакля в спектакль я вижу в зале одни и те же лица. Неужели в многомиллионной Москве только эти люди интересуются искусством? Как тут идет «распределение» билетов, понятия не имею.

Из практики многих зарубежных оперных театров известно: там нет никаких льготных зрителей. Все равны, хотя институт профессиональных перекупщиков существует и там. Но есть же и методы борьбы с ними. И это не дело одного театра.

Мы проводим целевые спектакли для организации. Заключаем творческие соглашения с предприятиями, которые и нам могут быть полезными. Не секрет, бартерный интерес у нас процветает.

А дипкорпус — это наш престиж, лицо государства. Им отказать нельзя. Это касается и многочисленных гостей столицы. Действительно, как откажешь людям, для которых с Большим театром связаны не просто имена наших прославленных танцовщиков, певцов, музыкантов, дирижеров, а само понятие — Россия.

Конечно, в Большом театре сейчас не лучшие времена. И все же мы спешим сюда, если вдруг выпадет удача достать билет, а то и собравшись с силами, зажмурив глаза и вздрогнув от цены, покупаем его у перекупщиков. Что ж, искусство, эта удивительная сцена, праздничность атмосферы стоят того.

Большой есть Большой!

И мы в редакции подумали: почему бы нам не организовать посещение одного из спектаклей театра для наших подписчиков. Ведь среди них немало и таких, кто либо никогда не был в Большом, либо был десятки лет назад.

Галина СОБОЛЕВА.